

ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ

21

КУРСАНТ
ИМПЕРИИ

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 21

<https://litres.ru/74547893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты.

P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 21

Глава 1

Эфир сошёл с ума секунд за двенадцать.

Я знаю, что именно за двенадцать: таймер на забрале я видел, когда произнёс своё «заживо», и посмотрел на него второй раз, когда в общей частоте не осталось места ни для одного целого человеческого слова. Под сотню людей в четырёх бортах, у каждого микрофон у самых губ, и каждому именно в эту минуту понадобилось сообщить остальным, что он всё понял.

— ...по крыше ходит. Я стою и чувствую, как оно ходит...

— Борт три, ответьте! Борт три, приём!

— Первый, это второй взвод, нас засыпает, дайте приказ!

— Освободите частоту, дайте связь!

— Сам освободи!

— Отставить панику в эфире, — рыкнул Барятинский.

Частоту это остудило секунды на две, потом хаос вернулся обратно. Полковник повторил, вложив в голос тот фамильный холод, которым в его роду, по всей видимости, успокаивали лошадей и младших офицеров, и получил ровно тот же результат.

Пилот в своём кресле сидел так, будто его пристегнули не ремнями, а обложили гипсом. Я тронул его за плечо, и он повернул ко мне лицо цвета приборной панели.

— Воздух, — сказал я. — Сколько у нас воздуха?

— Регенерация с аккумуляторов. — Он ответил сразу, как отвечают на вопрос, который уже сами себе задали. — По норме четыре часа. Норма считается на взвод, а у нас в салоне сорок человек и мы тут втроём.

— То есть?

— Часа три. Дальше в отсеке останется воздух, но пользы в нём будет мало.

— Плюс в ратниках, — пробормотал я вслух.

— Минут по сорок в каждом. — Ответил за меня пилот и посмотрел на свои голые кисти, лежащие на бесполезных рычагах, потом снова на меня. — У меня лётный комбинезон. То есть ноль.

Я поймал себя на глупейшей мысли: успею ли я за отведённое время придумать хоть что-нибудь, если раньше у меня получалось не очень, да и только со второй попытки.

Корпус шаттла снова дёрнулся.

Удара не было. Под днищем коротко поработали и опустили нас ещё на полметра, как опускают в колодец ведро, песок в остеклении опять поднялся. От площади осталась полоса шириной в две ладони — щель, в которую было видно примерно то, что видно из почтового ящика: немного чужого света и немного чужих клешней и ног.

В эту полосу мы видели первый борт.

Он ушёл в грунт носом, и корма его задралась над площадью. Прожектор, который всё ещё зачем-то горел на восточной стене, светил на неё сбоку, как фонарь над подъездом.

— Борт один — всем. — Голос задышался, будто человек говорил на бегу. — Открываем. Мы открываем, слышите? Лучше так.

— Борт один, отменить. — Барятинский подался к стеклу вплотную. — Борт один, я запрещаю. Слышите меня? Запрещаю. Лейтенант!

Он ещё договаривал, а рампа уже шла вниз.

Сначала с неё съехал песок — весь, одним серым языком, и в проёме стало светло. Это был самый домашний свет, какой я видел за двое суток: ровный, тёплый, из обжитого помещения, вывернутый в пустыню под углом.

Штурмовики высунулись. Их было отчётливо видно: четыре фигуры, потом шесть, они спускались по железу уступом, как учат, передний брал сектор, задний прикрывал. Первые две секунды у них всё получалось. С высоты они видели площадь лучше, чем видели её мы, и били вниз коротко и точно, и я успел подумать, что у них есть шанс.

Потом пришла волна.

Она не бежала. Она поднялась. Песок под кормой вздулся сразу по всей полосе, и то, что из него полезло, шло не цепочкой и не по одному, а слоём — спина по спине, клешня по клешне, вверх по наклонному железу, и железа под ними

не стало.

Огонь на рампе сделался сплошным. С десяток винтовок в упор — это очень много; мне на секунду опять показалось, что этого хватит. Потом в общей частоте кто-то сказал совершенно спокойно: «Штыки», и на рампе вспыхнуло синим.

Дальше я видел вспышки и силуэты. Передний успел ударить дважды, я разглядел, как повело его плечо на замахе, и как он на третьем замахе пропал — не упал, а именно пропал, будто его выдернули из кадра. Второй ухватил кого-то за шиворот и потащил внутрь, и их накрыло в проёме обоих сразу. Волна прошла по рампе так, как проходит вода по ступеням: без усилия и без остановки, заполняя всё, что ниже.

В моём ратнике на общей схеме гасли отметки. Со стороны это выглядело как ряд гаснущих ламп, и я нарочно смотрел не на них, а в стекло, потому что в стекле были хотя бы люди, а на схеме уже только цифры.

Эфир в эту минуту работал безупречно. Лучше бы он сломался.

Мы слышали, как в салоне первого борта началось то, что боем уже не назовёшь. Одиночные выстрелы, много, впере-мешку с очередями в закрытом железном объёме — звук такой, будто внутри бочки уронили ящик с инструментом. Чей-то голос трижды повторил: «В кабину! В кабину, закройте кабину!» Затем хлопнула дверь. Потом в эту дверь ударили, и я по звуку понял, что стучат явно не кулаком.

Потом остался один открытый микрофон и чьё-то дыха-

ние, быстрое и ровное, как у человека, идущего в гору.

Дыхание оборвалось на вдохе.

— Борт один, — позвал Барятинский. — Борт один.

Эфир шипел ровно и очень чисто.

Пилот снял руки с рычагов и сложил их на коленях ладонями вверх. Барятинский стоял у стекла, не оборачиваясь, и я видел в отражении, как двигаются его желваки. Отражение было плохое, мутное от нашего дыхания, и в нём полковник казался старше, чем на крыльце, лет так на десять.

Минута. Именно столько стоила идея выйти наружу, и первый борт оплатил её за всех, наличными и сразу.

За моей спиной, в салоне, всё это слышали не хуже нас. И, судя по звуку, поняли иначе.

Я шагнул к проёму кабины.

Больше двадцати человек в железе, и половина на ногах — это уже не строй, но ещё не толпа; это то, что в любую секунду выберет, чем ему стать. Стоявшие держались за поручни, потому что при каждой просадке корпуса пол уходил вниз.

— Нужно открывать! — повторял кто-то из середины, и повторял разумно, без истерики. — Пока это можно сделать! Потом не откроем!

— Сядь, — сказал Папа.

— Ты мне не командир, сержант. Ты штрафной.

— Сядь, — повторил Папа тем же голосом.

Человек сел. Но, сели не все.

Беззубый стоял на лавке, вцепившись в поручень, и шепелявил громче всех, и впервые за эту ночь его слушали.

— Ждешь мы шдохнем! В темноте! Пушкой хоть на во-
ждухе!

— Он прав, — отозвались от другого борта, и это было хуже всего, потому что сказано было спокойно.

Капеллан сидел, поставив винтовку между колен, и вёл свой псалом ровно и негромко, не для нас. Мэри рядом с ним дремала в ремнях, и жёлтый огонёк на её аптечке мигал теперь вдвое чаще, чем в подвале. Кроха смотрел в пол.

— Не хочу в песок, — покачал он головой.

Толик протиснулся ко мне и встал плечом к плечу, глядя не на меня, а на переборку.

— Санёк. Ты слышал, что там было?

— И видел.

— Я всё понимаю, ты не думай. — Он покрутил ладонью, подбирая слова, и подобрал самые честные из возможных. — Только я бы тоже открыл.

— Ты понимаешь, что нас ждёт?

— Ты меня знаешь, я не герой, но и не крот. С клешнями я хоть знаю, что делать: у меня штык и две руки. А в этом гробу... — Он постучал костяшкой по борту. — Тут мне делать нечего. Тут только сидеть и дышать по расписанию.

— Господа, позволю себе заметить, — раздалось возле лавки, где я оставил Ипполита лицом в отсек, чтобы ему было на что смотреть. — В замкнутом объёме при стольких

присутствующих разговор в полный голос расходует воздух существенно быстрее молчания. Это не мнение, это арифметика.

Его не услышали. Точнее, услышали и не приняли к сведению, что в армии почти одно и то же.

И то же самое, слово в слово, слышалось в эфире.

— Борт два — четвёртому. Мужики, вы как? Мы решаем.

— Борт два, отставить «решаем», — сказал Барятинский, не отрываясь от стекла.

— Господин полковник, у нас аппарат скоро не будет открываться.

— Знаю.

— А у вас другое предложение есть?

Другого предложения у полковника не было, и эфир это услышал раньше, чем услышал я. В частоте разом заговорили с трёх бортов сразу, перебивая, соглашаясь, пересчитывая патроны и метры, и в этом гуле я успел разобрать самое страшное: люди не спорили о том, выживут ли. Они уже согласились, что погибнут, и торговались только о способе. Открыть — значит минуту работать штыком и получить своё. Не открывать — значит несколько часов просидеть в темноте и слушать, как хрипят от недостатка кислорода твои товарищи.

Я знал, что они выберут. Я, если честно, и сам бы выбрал так же, и от этого мне было особенно неуютно стоять в проёме и молчать.

К Барятинскому подошёл лейтенант — тот самый, что пересчитывал нас по головам и сбился на середине.

— Господин полковник, взводные запрашивают решение. Я не смогу их держать больше двух минут.

— Двух минут мне хватит, — ответил полковник, не отходя от стекла.

Лейтенант посмотрел на его затылок, козырнул неизвестно чему и ушёл в салон, и по тому, как он шёл, было видно, что «двух минут хватит» он уже перевёл для себя на простой человеческий язык.

И в этот момент подал голос ещё один шаттл.

— Первый, это борт три! Аппарель не идёт! Мотор гудит, а она стоит на месте!

— Борт три, докладывайте нормально.

— Да куда нормально! У нас корма в грунте по самую кромку рампы, мы её не сдвинем, она упирается! Мы пробовали боковой люк — он тоже не идёт! Господин полковник, мы под песком целиком!

Пауза в частоте вышла короткая. Её заполнил другой голос, помоложе, и сказал он почти по-деловому, тем тоном, каким читают вывеску:

— Братва, мы замурованы.

Слово пошло по эфиру, как идёт по воде круг. В нашем салоне его слышали все и все замолчали, и в этой тишине стало отлично слышно, что делается снаружи: по обшивке шло ровное шевеление, сухое и обстоятельное, как пересы-

пают зерно из ковша в ковш.

— Бортам: прекратить истерику в эфире, — сказал Барятинский. — Держитесь.

— Держаться за что?!

Ответа у полковника не было, и он его не придумал. Он просто замолчал, и в эфире осталось шипение и чужая возня, и человек, который в закрытом железном ящике под тремя метрами песка колотил чем-то тяжёлым по обшивке — размеренно, с той дурной надеждой, с какой стучат в стену соседу.

Корпус нашего шаттла снова просел.

Полоса чистого остекления стала шириной в бойницу. Площадь в ней превратилась в узкую жёлтую щель, и в щели этой ещё дрожал свет прожектора, до которого нам уже не было никакого дела.

— Господин полковник. — Пилот заговорил, не поворачивая головы. — Ещё две такие просадки, и хана. После этого мы не откроемся. Ни мы, ни трой...

— Сколько у меня времени?

— Две минуты. Может, три.

— Этого достаточно, — кивнул Барятинский, приняв окончательное решение.

Он отлип от стекла и выпрямился.

— Первый — всем. Приготовиться...

— Нельзя этого делать, господин полковник, — воскликнул я, услышав слова Барятинского и поняв, что он собира-

ется отдавать приказ на открытие аппарелей. Вышло громче, чем я собирался, и в кабине это прозвучало почти неприлично. — Не открывайте и прикажите другим.

Барятинский повернулся ко мне медленно, всем корпусом.

— Вы предлагаете мне сидеть и ничего не делать, рядовой?

— Я предлагаю выиграть немного времени.

— Смысл?

— Он есть всегда. — Я сглотнул. В горле у меня было сухо, и я списал это на воздух, хотя воздух был ещё ни при чём. — У меня, возможно, есть решение.

Барятинский смотрел на меня несколько секунд, и лицо у него было такое, будто ему в гостиной предложили сыграть на деньги.

— Изложите.

— Не могу.

— Васильков...

— Не успею, господин полковник. Пока я буду объяснять, наши две минуты кончатся. Да, и вы мне не поверите. — Я подождал полсекунды и добил, потому что вежливость здесь стоила дороже, чем мы могли себе позволить. — Вы мне сегодня уже один раз не поверили. Про подкуп.

Желваки у него заметно дёрнулись.

— Что ты делаешь?

— Мне нужна связь с «Аскольдом». — Я уже был у панели

управления, пытаюсь разобраться со связью. — Точнее, мне нужен полковник Кнутов.

— Кнутов нам не поможет.

— Не факт.

Барятинский переглянулся с пилотом, ища союзника своему умозаклучению — Васильков от страха сошёл с ума.

— Соедините меня с «Аскольдом», — попросил я пилота.

— Я тут запутался в ваших кнопках и частотах.

Пилот встрепенулся.

— Верхняя связь. — Он ткнул пальцем. — Вот эта. Держите, пока не щёлкнет, отпустите и говорите. Канал занят мостиком, вас перебыют. — Он подумал и добавил тише: — И, рядовой, вас там не станут слушать. Вы...

— Штрафник. Знаю. Давайте. Куда?

За спиной полковник Барятинский уже уходил в проём.

— Господин полковник!

В ответ игнор и молчание.

— Вас... то есть нас же перебыют за полторы минуты!

— Вероятно. — Тихо ответил он, выходя из кабины. — Штурмовик умирает с открытым забралом, Васильков. В темноте, пуская пузыри, умирают другие.

— Генерал Ли отдал приказ! Шаттлы не покидать!

— У генерала на мостике достаточно воздуха, — был ответ полковника, уже шагнувшего в салон.

И его последняя фраза:

— Пилот. Открыть люк по моему сигналу.

Глава 2

Старший сержант Рычков объяснял в третий раз, и голос у него при этом опускался, что у Папы всегда означало худшее.

— Считаем вместе. За люком их тысячи. Гораздо больше, чем было в прошлую ночь. Вы сами видели, когда были на стенах. Нас тут горстка. Ну, положит каждый по десять, хотя по десять никто не положит, и по нам всё равно пройдут, как по грядке. Открытый борт — минуты жизни. Закрытый — часы. А над нами, между прочим, если вы забыли, висит линкор, и на мостике у него есть кому думать.

Двадцать с лишним человек в броне. Забрала у большинства были подняты, и лица блестели, как у бегунов на исходе дистанции: воздух ещё был, но уже переставал быть незаметным. Дежурный свет делал всех одного цвета, цвета остывшего чая, и в этом свете любой довод выглядел усталым.

— Несколько часов в железной коробке, которую ещё и ведёт вниз, — отозвался штурмовик, стоявший ближе всех. — Дождёмся, что аппаратель вообще не откроется. Тогда выбирать будет не из чего.

— А когда откроем, будет из чего? — усмехнулся Папа. — Разница одна: сейчас мы хотя бы живы.

— Штурмовики не отсиживаются в железных гробах, — заявил кто-то сзади и, кажется, сам удивился, как красиво это вышло.

— Штурмовики, сынок, живут до тех пор, пока дышат, — парировал сержант, выступавший сейчас спикером партии разума.

Тварей такого калибра, как сейчас ползали сверху шаттла и копали снизу, Папа знал не по учебникам. Новгородские богомолы вбили ему в голову правило: если оно ростом с танк и уже нашло к тебе дорогу, дверь ему не открывают. Аппарель для такого гостя — приглашение на обед, написанное на плотной бумаге, с золотым обрезаом.

Толик встал с края лавки и поднял руку, как школьник, знающий ответ.

— Господа штурмовики, позвольте вставить слово от человека, который минуту назад ошибался. Я сначала тоже хотел выйти. Даже побежал бы, честное слово. — Он оглядел отсек. — Потом прикинул: шансов, если откроем, ноль. Нет, я конечно готов красиво умереть за Империю, только красиво — это когда тебя не тащат за ногу в яму, чтобы поужинать.

— Драться надо, а не под лавкой отсиживаться! — прилетело из глубины отсека.

— Уважаю вашу храбрость. Но, драться, друг мой, стоит тогда и там, где есть вероятность остаться в живых. Хотя бы одна из тысячи. Здесь она есть. Снаружи... сами понимаете.

— Ты просто зассал.

— Ещё как, — согласился Толик. — Впрочем как и вы все. Только вы от страха хотите поскорее выбраться наружу, а мы со старшим сержантом предлагаем вам подумать и не

торопиться.

— Времени нет на подумать!

Молодой штурмовик у переборки опустил ствол и уставился в пол, шевеля губами. Папа поймал это краем глаза и мысленно поставил галочку. Отсек раскололся почти пополам, но граница шла не по нашивкам: на стороне штрафников нашлось с полдюжины штурмовиков, которые в этом не признавались и смотрели в пол. Остальные злобно смотрели на Папу и Толика.

Капеллан всё это время сидел рядом с Мэри и ни разу не поднялся. Ладонь он держал на её плече, смотрел на мигающий огонёк аптечки и на её бледное лицо. Когда шум перевалил через черту, известную одному ему, он повернул голову и произнёс негромко, в пространство:

— «Всякое дыхание да хвалит Господа».

Пояснять он не стал. Крикуны понизили голос.

Кроха мычал себе под нос нечто отдалённо напоминающее колыбельную и разглядывал ботинки.

Тут в неподходящий момент отлип от переборки беззубый. С самого закрытия аппарели он сидел в дальнем углу, и Папа затылком чувствовал, что тот слушает. Теперь рядом были свои, и в нём проснулось то, что просыпается в уязвлённых людях при виде поддержки.

— Не флушайте их, парни! Ждать! Дыфать по очереди! — Он вылез в проход, и перед ним сам собой освободилось место. — Фтрафники! Ф подфале шидели, пока наши на ште-

нах умирали!

Далее, что-то неразборчивое, а в конце:

— Вше вы такие: ф бою жа чужими шпинами, а ф пофле ражговорчивые! Трушы вы! Фше!

— В подвале нас запер ты, — сказал Папа очень тихо. — Гнида.

— Трушы! — Беззубый вошёл во вкус. — Ш такими нам ф одном шаттле шидеть, а они ешё и ругаютша!

Дальше Папа помнил плохо. Он не прыгнул, Папа так не умел: он пошёл, как идёт бульдозер на забор. Кто-то сидящий на лавке попался под ногу и с неё слетел. До беззубого оставалось буквально два шага, когда его схватили справа за руку, слева за другую, а кто-то повис на шее. Ратник взвыл приводами. Папа протасил всех троих ещё метр, беззубый успел юркнуть за плечи товарищей и высунулся оттуда, зашепелявив голосом победителя:

— Фидели? Он на швоих кидаетша!

Подоспели ещё двое, и Папу впечатали спиной в переборку. В лицо ему упёрся чей-то шлем, холодным лбом.

— Господа, давайте без рук! — Толик влез в свалку, ухватил кого-то за наплечник и оказался вдавлен в железо рядом с Папой. Локоть в бронированном рукаве лёг ему под подбородок. — Ох, ребята, — просипел он, — а поговорить?

— Позволю себе заметить, Анатолий, — сообщил Жгутикову из-под лавки Ипполит, по-прежнему лежавший скрюченный лицом в отсек, — что при соотношении пятеро на

одного аргумент, боюсь, не будет засчитан.

Через чужое плечо Папа увидел, как встал Кроха. Без спешки, молча, и металлическая лавка под ним скрипнула с явным облегчением. Улыбка осталась на лице великана, а вот глаза улыбаться перестали, и штурмовики, на которых они остановились, вдруг заинтересовались собственными ботинками. Кроха шагнул в сторону свалки. Ратник у него на пути отодвинулся сам, без команды. Кулаки, каждый с добрую голову, висели вдоль бёдер, но уже сжимались.

— Отставить.

Голос был негромкий, на холодно вежливый до ломоты в зубах и ударил сильнее любого окрика. У проёма двери кабины стоял Барятинский, заложив руки за спину. Как давно, Папа не знал, но, судя по лицу, достаточно, чтобы составить мнение обо всех.

Рычков, которого держали пятеро, демонстративно вытянулся по стойке «смирно», насколько позволяли захваты. Лицо осталось багровым, зато переменялось всё остальное: перед начальством у него срабатывало что-то, что сидело ниже гнева.

— Отпустите их, — продолжил полковник. — Не заставляйте повторять на языке, который вам понравится меньше.

Штрафников отпустили. Папа стряхнул с плеча чужие пальцы и выдохнул через нос. Толик потёр подбородок.

— Сержант считает верно, — Барятинский обвёл салон взглядом. — Кислорода, по докладу пилота, часа на три.

Цифры я не оспариваю. Но эти три часа кончатся тем же самым, только медленнее и без единого выстрела с нашей стороны. Мы будем умирать, как умирают в мешке: по очереди и очень долго. Я предпочитаю иначе. Лучше уж умереть в бою, чем сдохнуть от удушья, когда в шаттле кончится кислород. И тут правы вы, ребята: через две минуты выбора у нас не останется.

Папа скрипнул зубами. Возразить было нечем, и злость на полковника пополам делилась со злостью на факты.

Перепалка стихла разом, как выключенная. Сказал командир, значит, так и будет, и спорить с этим в отсеке не научились, да и учиться было некогда.

— Боезапас проверить, системы ратников тоже. Первая шеренга — на колени, вторая — стоя, оружие к бою. — Полковник дождался, пока в отсеке зашуршало и защёлкало, и, повернувшись, добавил ровно, почти любезно: — Господа штрафники, не зевайте. Присоединяйтесь. Веселье вот-вот начнётся, было бы обидно, если бы вы его пропустили.

Бронескафы ожили. В забралах побежали зелёные строки самопроверки, зашелестели затворы, магазины защёлкали сначала вразнобой, потом в такт. Штурмовики вставляли перед аппарелью в две линии, и у людей, которые секунду назад держали друг друга за грудки, теперь были одинаковый настрой. Беззубый пристроился во второй.

Потом сочтёмся, пообещал себе Папа, хмуро смотря на него. Второй раз за ночь он откладывал этот финальный раз-

говор, и проценты по нему росли.

— А мажорчик где? — Он покосился на дверь кабины.

— Рядовой Васильков остался в кабине. — Барятинский чуть повёл плечом. — Полагаю, ему страшновато выходить.

Папа промолчал и лишь хмыкнул. Несколько минут назад, когда на площади песок под шаттлами встал дыбом, этот же человек забыл, как закрывается рот: лейтенант звал его «Первый!» да «Первый!», а полковник смотрел сквозь лейтенанта, как сквозь оконное стекло. А теперь распетушился и проверяет чужую храбрость. Слова на это у Рычкова нашлись бы, но при начальстве он говорил мало и вежливо, и слова остались при нём. Он лишь отошёл за шеренги, к Толику.

— Чего хмыкаете, сержант? — Толик потирал шею и одновременно менял магазин, что требовало известной координации.

— Сам недавно столбом стоял, — пробасил Папа, кивая в сторону Барятинского. — А теперь про трусость запел. Я уверен, что мажорчик там сидит, и что-то себе придумывает. Я его знаю.

— Придумывает он всегда, — кивнул, соглашаясь, Толки, — главное — чтобы успел.

— Да, времени будет мало, — покачал головой Рычков, тяжело вздыхая и перезаряжая винтовку.

— Санёк успеет.

— Твои бы слова, да Богу в уши...

— Я оптимист. Кроха, ты как? Готов к труду и обороне?

Кроха уже стоял у них за спиной и натягивал шлем. Папа покосился на него.

— Можно, — согласился Кроха.

Капеллан ставил Мэри на ноги. Губы его уже шевелились. В псалом он начинал заранее, как другие разминаются перед делом. Мэри открыла глаза и посмотрела на аппарель.

— Что открывают?

— Открывают.

— Наконец-то, — сказала на это Мэри.

Шеренги вышли ровными, хоть на смотр. Штрафники стояли в двух шагах позади: в строй их не звали, а прятаться за чужие спины они не привыкли, и получилась дистанция, которую каждый отмерил по своему характеру. Барятинский встал перед первой шеренгой, спиной ко всем и лицом к аппарели и к тому, что ждало за ней. Спина у него была прямая, как у человека, который назначил цену и теперь собирался получить её сполна. Он поднял ладонь к шлему.

— Пилот. Аппарель. — Он помедлил ровно на один вдох. — Сейчас...

Приказ дошёл до кабины по общей частоте на секунду раньше, чем я успел сделать вид, что не расслышал.

С тех пор как полковник вышел, я отслужил в этом кресле целую карьеру связиста. Ручка настройки была одна на всё, а щелчков у неё набралось, как у кодового замка, и на каждом что-нибудь шипело, пело или говорило чужим голосом:

то диспетчерское «принято», то колонка цифр, то кто-то читал координаты тоном, за который явно не доплачивали. На верхней частоте вырос бодрый голос мостика: «Четвёртый борт, освободите канал». Я освободил, потому что мне ничего другого не оставили, и через секунду занял снова. Пятнадцатый раз подряд я давил кнопку, ждал щелчка и говорил в пустоту одно и то же:

— «Аскольд», «Аскольд», это рядовой Васильков. Прошу полковника Кнутова.

«Кнутов нам не поможет», — заявил полковник. Он вообще много чего назаявлял за это время, и последнее слово оставил за собой, а это меня задевало сильнее всего остальных: я привык оставлять его себе.

Кнутов был единственным на «Аскольде», кого интересовало, сколько штрафников вернётся домой. Остальные числили нас в графе, которая уже заполнена.

Злость, как выяснилось, хороший инструмент для тонкой настройки: руки перестали дрожать сразу после того, как за полковником закрылась дверь. Воздух в кабине стал плотным и тёплым, будто им уже кто-то пользовался. Борт просел ещё. Я перестал считать просадки. Обшивка затянула тонкую жалобную ноту.

Из салона доносился гул, то нараставший, то обрывающийся, как от рубильника. Один раз там что-то тяжёлое ударилось о переборку, и я примерно догадывался, кто нанёс этот удар: у Папы он получался особенно основательным.

Потом всё разом стихло, и по качеству тишины я понял, что в салоне появился тот, кто умеет её устраивать. Затем заклацали магазины.

Мои пальцы сами повернули ручку на последний щелчок, который я ещё не пробовал, и придавили кнопку.

— «Аскольд»! Говорит четвёртый борт! Прошу...

Экран мигнул. Секунду в нём билась зелёная рябь, потом рябь сложилась в мостик, и в центре кадра возник генерал Ли.

Я облегчённо выдохнул и набрал воздуха.

В этот момент пилот, который по-прежнему всё это время сидел и смотрел в остекление, по которому текли струйки песка, засуетился. Из оцепенения его вывел голос полковника Барятинского, приказ которого он услышал в наушнике и кивнул сам себе, коротко, будто поставил подпись. Потом перекрестился, быстро и неумело, и его правая рука поплыла к тумблеру.

— Подожди, — остановил его я.

— Приказ, рядовой.

— Секунду. Одну.

— У меня нет секунды.

Пилот нажал тумблер.

Глава 3

Аппарель пошла вниз, и вместе со скрежетом привода в салон потянуло ночью.

Не светом и не холодом, ни того ни другого у здешней ночи не водилось, а запахом: сухим, пыльным, с кислой примесью, для которой в памяти полковника Барятинского не нашлось названия. Песок сполз с кромки рампы тонкими струйками, последняя иссякла, и в образовавшуюся щель ударили нашлемные фонари.

Лучи вошли в темноту. Штурмовики рассчитывали увидеть: стену, соседний борт, небо, хоть что-нибудь. Вместо этого темнота начала двигаться. Она была плотной и живой, и каждый луч, упёршись в неё, высекал десятки бликов, дрожащих на панцирях: ночь подняла на рампу скопление уродливых тел и несла его, толкаясь и постукивая, прямо на людей. Клешни. Щупальца. Хвосты, выгнутые над спинами, на каждом жало, отполированное светом до цвета мокрого янтаря. Сотни.

— Огонь, — выдохнул полковник Барятинский в общую частоту. — Господа, без перерывов и без экономии. Я не прошу беречь патроны, я это запрещаю.

Шеренги ударили очередями. Первая с колена, вторая стоя, стволы поверх шлемов, и звук перестал быть звуком: каждый выстрел бил в грудную клетку, и после десятого пол-

ковник различал уже не выстрелы, а один сплошной удар. Гильзы сыпались под ноги и звенели по полу, свет вспышек мешался со светом фонарей, и мир распался на кадры: занесённая клешня, раскрытая пасть, спина, которая вздрагивает под очередью и оседает. ШАВС-5 плясала в руках мелкой злой дрожью. Ратник гасил отдачу, а сам Барятинский гасил в себе желание зажмуриться, что было существенно труднее.

Проём пропускал в шаттл лишь несколько тварей зараз, и за это полковник был искренне благодарен инженерам, несмотря на то, что вторжение скорпионов изначально они не предусматривали. Гигантские насекомые лезли друг по другу, по спинам, по расколотым панцирям, первые мешали вторым, вторые третьим, и вся масса топталась на пороге, выплёскивая в салон только то, что отлетало от неё самой. О том, чтобы выйти на рампу, как полковник и собирался, не могло быть и речи: рампа исчезла под хитином раньше, чем на неё ступил бы чей-нибудь ботинок.

Справа от него, где строй дал первую трещину, кто-то встал в брешь, и Барятинский узнал этот бас, не поворачивая головы.

— Разрешите присоединиться, господин полковник? У вас тут жарко.

— Опаздываете, сержант.

— Задержался, — поправил Папа, вгоняя очередь в ближайшую тень. — Ждали приглашения. Мы люди воспитанные.

Слева, по ту сторону штурмовиков, отозвался голос помоложе, и в нём звенело то особое веселье, какое бывает у людей, окончательно убедившихся, что бояться уже поздно:

— Ух ты, сколько гостей! А нам говорили, никто не придёт!

— Не болтай, Жгутиков, стреляй.

— Я совмещаю, сержант! Успокаивает...

Рядом с Толиком, шумно дыша, встал Кроха. «Много», — обронил он в общей частоте, как обронил бы, увидев на столе наполненное явствами блюдо, и вцепился взглядом в проём. Капеллан занял место в глубине второго ряда. Он стрелял размеренно, по одному, и между выстрелами по каналу шёл его негромкий голос: «Обступили меня, окружили меня, но именем Господним я низложил их». Стих кончался, гремел выстрел, начинался следующий, и Барятинскому вдруг пришло в голову, что более убедительной службы ему слышать не доводилось.

Позади шеренги мелькнуло ещё одно движение. Хрупкая девушка, которую бородатый вёл под локоть от крыльца, качнулась, поймала равновесие и двинулась к лавке, где лежал андроид. Стоять ей было тяжело, идти ещё тяжелее, но она дошла, ухватила Ипполита за воротник комбинезона и потащила подальше от проёма. Тащила молча и экономно, не тратя ни слова, ни вдоха.

— Благодарю вас, мисс Мэри, — донеслось снизу жизне-
радостно и отчётливо. — Вы единственная за эту ночь, кто

переносил меня без замечаний.

— Заткнись, — ответила «мисс».

Барятинский выпустил ещё очередь, и ещё, и обнаружил, что думает совсем не о том, о чём положено думать командиру. Он думал о собственном приказе. Он приказал открыть люк, чтобы выйти. Выйти было не на что, и это, пожалуй, следовало учесть до того, как отдавать распоряжения. Мысль пришла без вины и без пользы, как приходит соображение о забытом зонте, когда дождь уже идёт... стеной.

Отменить распоряжение было поздно. Проём был полон, а закрыть его значило бы сначала убрать с ramпы то, что на ней находилось, а находилось на ней слишком много...

Бой доходил до меня двумя путями: через переборку глухим стуком, от которого дрожали зубы, и через шлем, головами. Голоса были знакомые.

Папа гудел что-то короткое и неприличное в своей обычной манере, и я вдруг обрадовался этому бурчанию, как не радовался ни одному приказу. Потом в эфир пробилось мычание Крохи, потом низкий, будто вечерний, голос Капеллана, и я обнаружил, что сижу, вцепившись в подлокотники обеими руками.

За одну ночь я успел дважды оказаться правым в неприятных вещах и начинал подозревать, что это профессиональное.

— Рядовой. Причина вызова?

Генерал Ли задал вопрос голосом, в котором не было ни

удивления, ни упрёка: так спрашивают о погоде на орбите. Передо мной мерцал экран, и на нём ничего не менялось, тогда как за переборкой всё менялось слишком быстро.

Я не ответил. Не из дерзости: в горле не осталось слов, которые можно произнести перед генералом за четыре секунды. Все они начинались с «потому что», а на «потому что» времени не было.

— Почему на связи рядовой, а не Бярятинский?

Пилот всё ещё держал палец на тумблере, который нажал. Держал так, как держат руку на дверной ручке, за которой только что что-то упало. Я слушал салон и складывал то, что слышал, в картинку: выстрелы без пауз, крик, обрывающийся на полуслове, хруст, которого не бывает у людей. Чтобы объяснить Ли, что происходит, нужно время. Чтобы получить разрешение, нужно ещё больше. А чтобы закрыть проклятую аппарель, достаточно одной секунды. Поэтому я решил сделать всё в обратном порядке.

Я схватил пилота за запястье. Ратник, как всегда, не понял слова «деликатно» и отшвырнул руку вместе с плечом.

— Вы что творите?! — Пилот подпрыгнул в ремнях. — Это приказ полковника!

— Знаю. Передаю на пересмотр.

Соседний тумблер был точной копией первого, только подписан другим словом. Я ударил по нему ладонью.

Пол дрогнул. Привод отозвался сначала гулом, потом густым гидравлическим вздохом, и по днищу пошла дрожь:

рампа двинулась. В шлеме кто-то вскрикнул, кажется, Толик, но вскрик этот был не очень-то радостный. Это я понял чуть позже. А пока я улыбнулся и выдохнул. Впервые что-то сработало с первой попытки, но порадоваться я успел ровно то время, которое понадобилось звуку, чтобы перемениться.

Гудение сменилось хриплым, надсаженным. Под нами что-то хрустнуло, влажно и тяжело, потом ещё раз, потом ещё, и звук сорвался. Привод замолчал на середине движения, оборвавшись на полуслове.

Индикатор на панели застыл, не дойдя до последней отметки.

— Васильков, — между тем сказал генерал Ли. — Повторяю вопрос.

Я мог бы ответить. Однако, от осознания, что произошло с гидравликой, у меня пересохло в горле...

Барятинский видел, как рампа дёрнулась, поползла вверх, а створки над проёмом пошли вниз, чтобы сойтись посередине. Молодец пилот, отметил он, читает мои мысли: полковник как раз подбирал формулировку для отмены приказа. Он мысленно поставил подчинённому «отлично» и тут же взял отметку назад. Привод на полпути сменил голос с гладкого на сдавленный и остановился. В проёме осталась щель, в которую как раз пролезал скорпион, и скорпион, естественно, пролез.

Причина оказалась очевидна. Тонны хитина лежали на рампе и не пускали её вверх, а раз не встаёт рампа, стоят и

створки. Простая механика. Он даже слегка приободрился оттого, что нашёл объяснение, и не стал его проверять.

На самом деле он немного ошибся.

Никто из людей этого не видел. Там, у нижней кромки створок, куда не доставал ни один фонарь, скорпионы поняли, что проём собираются закрыть. Поэтому первый нырнул под опускающуюся створку сразу, не раздумывая. Его раздавило. Следом полез второй. Створки шли, чтобы сойтись, а скорпионы лезли под них, как под падающий шлагбаум, одна за другой, в затылок, и пресс, не различая своих и чужих, делал своё дело. Раздавленных сменяли следующие. Механизм, рассчитанный максимум на человеческую небрежность, не был рассчитан на подобное усердие. В итоге он поперхнулся и встал...

Барятинскому об этом никто не доложил.

Скорпионы хлынули в щель, но уже не стеной: чтобы попасть в салон, каждой твари приходилось протискиваться по горе павших собратьев. Огонь встречал их у самого порога, разрубал, отбрасывал, и мёртвое громоздилось на мёртвое. Скоро у проёма выросло то, чего не построил бы ни один сапёр: низкий, неровный, горячий вал из панцирей, в который штурмовики вколачивали сотни патронов в минуту. Скорпионам приходилось на него карабкаться. Они взбирались по телам, срывались, цеплялись, съезжали вниз и добирались до людей по трое-четверо, помятые и озадаченные, как гости, перепутавшие двери.

Барятинский отметил с сухой усмешкой, что впервые в истории 55-ой бригады противник работает на его оборону. Но насекомые не кончались и они продолжали идти и подбираться всё ближе к шеренгам.

Штурмовики и штрафники перезаряжали по очереди, рядами, чтобы огонь не прерывался. Пустые магазины бросались под ноги, и строй топтал их, не глядя. Вал из тел не мог сдержать атаку, он лишь её чуть замедлял.

— Штыки, господа, — произнёс Барятинский.

Плазма ожила разом, гул её прокатился по салону низкой нотой, и в тесноте отсека начался другой бой. В нём не было места для прицельной стрельбы. Осталась дистанция вытянутой руки, а перед лицами обороняющихся: щупальца, тянувшиеся к ним, клешни, скребущие по нагрудникам, хвосты, бившие сверху вниз. Штык входил под панцирь с протяжным влажным звуком, тварь дёргалась и оседала, а штурмовик уже поворачивался к следующей.

Кроха выломал из борта лавку целиком, вместе с креплениями, и, орудуя ею, как лопатой, отгребал от строя то, что лезло через вал. Панцири раскалывались под ней сухо и громко, и великан время от времени мычал что-то извиняющееся.

— Кроха, — крикнул Толик, — мебель казённая!

— Спишем на потери! — отозвался Папа.

Во втором ряду что-то бормотал беззубый. Он стрелял, перезаряжал и стрелял.

— Эй, слева! — предупредил Папа.

— Я ш фами не ражгофариваю! — донеслось в ответ.

Зря шепелявый не оглянулся. Тварь, вползавшая на грёбень, мгновенно сползла вниз, щупальца сомкнулись и выдернули беззубого из общего строя, утянув в копошащуюся массу хитина. Был человек, и нет его.

— Бог шельму метит, — философский заметил Папа, продолжая палить во всё, что движется.

Барятинский колот коротко, по-фехтовальному: выпад, возврат, выпад. Его учили работать саблей, и штык, как выяснилось, отличался от неё главным образом отсутствием изящества. Тварь, лезшая на него, была огромна и к его родословной абсолютно равнодушна. Хвост ударил рядом, в нагрудник, и нимидийская сталь отозвалась таким звоном, что полковник на секунду оглох на левое ухо.

Штурмовик перед ним, стоя на колене, вогнал штык в тварь, лезшую на строй, и не успел его вытащить. Из-за вала, из темноты между панцирями, вынырнул хвост: невероятно гибкий, с зазубренным концом. Он ударил прямо в забрало шлема, пробив его, и человека отбросило назад, без крика, винтовка так и осталась торчать в убитой твари.

Следующему штурмовику жало вошло в щель между нагрудником и шлемом. Он опустился на пол, будто устал, и больше не поднялся. Третьего сдёрнули с колена и утащили за вал, и стрельба оттуда ещё пару секунд шла куда-то вверх, в потолок. Четвёртого развалили на две части сомкнувших-

ся у него на талии огромные клешни. Строй укорачивался после каждого шага назад, и шаг этот делался в сторону кабины сам собой, без команды Барятинского: чтобы держать линию, надо было отойти. Вал у проёма превратился в гребень, и с гребня уже не по трое, а по пять хлынули новые лидскорпионы.

— Назад, — наконец, произнёс полковник, скорее констатируя.

Папа находился рядом, весь в чём-то тёмном, стрелял короткими по три, и на очередной волне Барятинский расслышал, как он вполголоса, себе или полковнику, неважно, повторяет:

— Шаг. Ещё шаг. Не спешим. Не спеш-шим.

Мэри, с неестественно прямой спиной, привалилась плечом к переборке, и когда одна из тварей прорвалась мимо строя, сделала два шага и вогнала ей штык под панцирь. Отступать дальше было некуда. Она села рядом с андроидом, и тот, к чести его, промолчал.

Салон был невелик. Барятинский, который никогда не интересовался его размерами, вдруг узнал его длину точнее, чем свой рост: потому, как отмерял её пятками. Слева от него, где ещё недавно стояли штурмовики, остались пустота, гильзы и полосы, которые волочили за собой скорпионы.

Шаг. Ещё шаг. Ещё один, самый короткий. Арифметика сержанта Рычкова подтвердилась с опереж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.